

Это была исключительная, почти невероятная находка. Неуправляемый, оставленный экипажем, но не поврежденный корабль.

Они догнали его, со всеми предосторожностями забрались на борт и убедились, что хозяева корабля давным-давно погрузились в спасательный катер и улетели в неизвестном направлении.

Даг подсчитал, что если вести трофей на буксире, горючего до внешних баз хватит. При условии, что придется выкинуть за борт собственный груз, отправить в пустоту почти все, ради чего они двадцать месяцев не видели ни единого человеческого лица (собственные не в счет).

И кому-то надо было отправиться на борт трофея — держать связь и смотреть, чтобы он вел себя пристойно. Пошел Павлыш.

— Ты осторожнее, — сказал Даг, вдруг расчувствовавшись. — Чуть что...

— Главное, не потеряйте, — ответил Павлыш.

Сато ловко подогнал катер к грузовому люку мертвого корабля. Нетрудно догадаться, что там когда-то стоял спасательный катер. Его не было. Лишь какое-то механическое устройство маячило в стороне.

Толкая перед собой тюк с тентами и баллонами, Павлыш пошел по широкому коридору к каюте рядом с пультом управления. Там он решил обосноваться. Судя по форме и размерам помещений, его предшественники были пониже людей ростом, возможно, массивнее. В каюте, правда, не было никакой мебели, по которой можно было бы узнать, как устроены хозяева корабля. Но, может, это и была не каюта, а складское помещение. Все могло быть. Обследовать корабль толком не успели. Это предстояло сделать Павлышу. Корабль был велик. И путешествие обещало быть нескучным.

Сато помог раскинуть тент. Переходную камеру они устроили у двери. Теперь у Павлыша был дом, где можно жить без скафандра. Скафандр понадобится для прогулок. Пока Павлыш раскладывал в каюте свои вещи, Сато установил освещение, опробовал рацию. Можно было подумать, что он сам намеревается здесь жить. И долго.

Разгонялись часов шесть. Даг опасался за прочность буксира. В конце разгона Павлыш вышел на пульт управления корабля и смотрел, как летевшие рядом серебряные цилиндры — выброшенный за борт груз — постепенно отставали, словно провожающие на платформе. Перегрузки были уже терпимые, и он решил заняться делами.

Пульт управления дал мало информации. Странное зрелище представлял этот пульт. Да и вся рубка. Здесь явно побывал хулиган. Вернее, не просто хулиган, а малолетний радиолюбитель, которому отдали на растерзание дорогую и сложную машину. Он без особых церемоний сорвал крышки и кожухи, соединил накоротке линии, которые соединять было не положено, — в общем принял все меры, чтобы превратить хронометр в первобытный будильник. От такой вивисекции осталось множество лишних «винтиков», порой внушительных размеров. Шалун разбросал их по полу, словно спешил завершить разгром и спрятаться раньше, чем вернутся родители.

Удивительно, но нигде не встретилось ни одного стула, кресла или чего-нибудь близкого к этим предметам. Возможно, хозяева и не знали, что такое стулья. Сидели, скрестив ножки на полу. Или вообще катались, словно перекати-поле. Павлыш таскал за собой камеру и старался заснять все, что можно. На всякий случай. Если что-нибудь стряется, могут сохраниться пленки.

Было так тихо, что Павлышу начали чудиться шелестящие шаги и шорохи. Хотелось ходить на цыпочках, будто он мог кого-то разбудить.

Коридор, который шел мимо его каюты, заканчивался круглым, пустым помещением. Павлыш оттолкнулся от люка и в два прыжка одолел его. Дальше снова начинался такой же коридор. И стены и пол везде были одинакового голубого цвета, чуть белесого, словно выгоревшего на солнце. Свет шлемового фонаря расходился широким лучом, и стены отражали его. Коридор загибался вперед. Павлыш нанес его на план.

Шагов через сто коридор уперся в полуоткрытый люк. За люком коридор расширился, в стороны отбегали его ветки. Но Павлыш пока даже не стал отмечать их. Выбрал центральный, самый широкий путь. Он привел его еще к одному люку, закрытому наглухо. Павлыш заметил выступающий квадрат и провел по нему перчаткой.

Люк легко отошел в сторону, и Павлыш прижался к стене. Но ничего не произошло.

Павлыш оказался в обширной камере. Вдоль ее стен шли полки. На некоторых из них стояли ящики. Он заглянул в один. Ящик был на треть наполнен пылью. Что в нем было раньше, угадать невозможно.

В дальнем углу камеры фонарь поймал лучом белую тряпку. Павлыш указал, что на тряпке что-то написано. Может, только показалось? Он сделал шаг. Наклонился. Присел на корточки.

«Меня зовут Надежда», — было написано на тряпке. По-русски.

Павлыш потерял равновесие, и рука дотронулась до тряпки. Тряпка рассыпалась. Исчезла. Исчезла и надпись.

— Меня зовут Надежда, — повторил Павлыш вслух.

— Что? — раздался в шлемофоне голос Дага.

— Здесь было написано: «Меня зовут Надежда», — сказала Павлыш.

— Где?

— Уже не написано, — сказал Павлыш. — Я дотронулся, и все исчезло.

— Слава, — сказал Даг тихо, — успокойся.

— Я совершенно спокоен, — сказал Павлыш.

До того момента корабль оставался для Павлыша фантомом, реальность которого была условна, будто задана правилами игры. И даже нанося на план — пластиковую пластинку, прикрепленную к левой кисти руки, — сетку коридоров и люков, он за рамки этой условности не выходил.

Рассыпавшаяся записка нарушала правила, ибо никак, никаким самым сказочным образом оказаться здесь не могла и потому приводила к единственному разумному выводу: ее не было. Так и решил Даг. Так решил бы и Павлыш, оказавшись на его месте.

— Именно Надежда? — спросил осторожно Даг.

— Да, — ответил Павлыш. Он смотрел на горстку белесой пыли.

— Учти, Слава, — сказал Даг. — Ты сам физиолог. Ты знаешь. Может, лучше мы тебя заменим? Или вообще оставим корабль без присмотра.

— Все нормально, — сказал Павлыш. — Не беспокойся. Я пошел из консервантом.

— Зачем?

— Если встретится еще одна записка, я ее сохранил для тебя.

Пока он совершал недолгое путешествие к своей каюте, извлекал консервант из ящика со всякими разностями, подготовленного для него аккуратным Сато, он все время старался возобновить в памяти тряпку или листок бумаги с надписью. И листок избегал этих попыток. Как лицо любимой женщины: ты стараешься вспомнить его, а память рождает лишь отдельные, мелкие, никак не удовлетворяющие тебя детали — прядь над ухом, морщинку на лбу. К тому времени, как Павлыш вернулся в камеру, где его поджидала (он уже начал опасаться, что она исчезнет) горстка белесой пыли, уверенность в записке пошатнулась. Разум старался оградить его от чудес.

Павлыш отыскал следующий люк. Люк открылся легко. Это было странное помещение. Разделенное перегородками на отсеки разного размера, формы. Некоторые из них были застеклены, некоторые отделены от коридора тонкой сеткой. Посреди коридора стояло полушарие, похожее на высокую черепаху, сантиметров шестьдесят в диаметре. Павлыш осторожно дотронулся до него, и полушарие с неожиданной легкостью покатило вдоль коридора, словно под ним скрывались хорошо смазанные ролики. Потом ткнулось в стенку и замерло. Луч фонаря выхватывал из темноты ниши. Не все они были пусты. В одной грудой лежали камни, в другой — обломки дерева. А когда он присмотрелся, обломки показались похожими на остатки какого-то большого насекомого. Павлыш продвигался вперед медленно. Все вокруг было мертвым и чужим.

— Понимаешь, какая штука, — разогнал мысли голос Дага. — Можно утверждать, что корабль оставлен лет сорок назад. Только что Мозг дал предварительную сводку. Сейчас проверю...

— Не надо стараться, — сказал Павлыш. — Даже тридцать лет назад мы еще не выходили за пределы Системы.

— Знаю, — ответил Даг. — Но я еще проверю. Если только у тебя нет галлюцинаций. — Проверять было нечего. Сорок, пятьдесят лет назад люди лишь осваивали Марс и высаживались на Плутоне. А там, за Плутоном, лежал неведомый, как заморские земли для древних греков, космос. И никто в этом космосе не умел говорить и писать по-русски.

Возможно, он просто не замечал следов Надежды, проходил мимо. Даже на Земле, стоит отойти от стандартного мира аэродромов и больших городов, теряешь возможность и право судить об истинном

значении встреченных вещей и явлений. Тем более непонятен был смысл предметов чужого корабля. И полушарий, легко откатывающихся от ног, и ниш, забитых вещами и приборами, назначение которых было неведомо, и переплетения проводов и труб, ярких пятен на стенах, решеток на потолке, участков скользкого пола и лопнувших полупрозрачных перепонок. Павлыш так и не мог понять, какими же были хозяева корабля. — то вдруг он попадал в помещение, где могли обитать гиганты, то вдруг оказывался перед каморкой, рассчитанной на гномов, потом выходил к замерзшему бассейну, и ему чудились продолговатые тела, вмороженные в мутный лед.

Эта нелогичность, непоследовательность окружающего мира раздражала, потому что никак не давала построить хотя бы рабочую гипотезу и нанизывать на нее факты — именно этого требовал мозг, уставший от блуждания по лабиринтам.

А еще через полчаса, в следующем коридоре, за прикрытым, но не закрытым люком Павлыш отыскал каюту, в которой жила Надежда.

Он не стал заходить туда. Остановился на пороге, глядя на аккуратно застланную серой материей койку, на брошенную на полу косынку, застиранную, ветхую, в мелкий розовый горошек, на полку, где стояла чашка с отбитой ручкой. Потом, возвращаясь в эту комнату, он с каждым разом замечал все больше вещей, принадлежавших Надежде, находил ее следы и в других помещениях корабля. Но тогда, в первый раз, он запомнил лишь розовый горошек на платке и чашку с отбитой ручкой. Ибо это было куда более невероятно, чем тысячи незнакомых машин и приборов.

— Все в порядке, — сказал Павлыш. Он включил распылитель, чтобы сохранить в каюте все таким, каким оно было в момент его появления.

— Ты о чем? — спросил Даг.

— Я нашел, где она жила.

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. Здесь стоит еще чашка. И еще она забыла косынку.

— Знаешь, — сказал Даг, — я верю, что ты не сошел с ума. Но все-таки я не могу поверить.

— А где Надежда? — спросил Сато.

— Не знаю, — сказал Павлыш. — Ее давно здесь нет.

Он увидел стопку белых листов, исписанных ровным, сильно наклоненным вправо почерком и заставил себя не читать написанного на них, пока не закрепил их и не убедился, что листки не рассыпаются под пальцами. А читать их он стал, только вернувшись в свою каюту, где мог снять скафандр, улечься на надувной матрац и включить на полную мощность освещение.

— Читай вслух, — попросил Даг.

«Я нашла эту бумагу уже два месяца назад, но никак не могла придумать, чем писать на ней. И только вчера догадалась. Совсем рядом, в комнатке, за которой следит Глупышка, собраны камни, похожие на графит. Я заточила один из них. Мне давно хотелось писать дневник, потому что когда-нибудь, даже если я и не доживу до этого светлого дня, меня найдут. Ведь нельзя жить совсем без надежды».

Второй листок был написан куда более мелким почерком, аккуратно, Надежда сэкономила бумагу.

«Если когда-нибудь попадут сюда люди, пусть знают про меня следующее. Мое имя-отчество-фамилия Сидорова Надежда Матвеевна. Год рождения 1923. Место рождения — Ярославская область, село Городище. Я окончила среднюю школу, а когда подросли мои сестры, я исполнила все-таки свою мечту и поступила в медицинское училище в Ярославле и окончила его в 1942 году, после чего была призвана в действующую армию и провела войну в госпиталях в качестве медсестры. После окончания войны я вернулась в Городище и поступила работать в местную больницу в том же качестве. Я вышла замуж в 1948 году, мы переехали на жительство в Калязин, а на следующий год у меня родилась дочь Оленька, однако мой муж, Николай Иванов, шофер, скончался в 1953 году, попав в аварию. Так мы и остались одни с Оленькой». Павлыш сидел на полу, в углу каморки, затянутой белым тентом. Ему очень хотелось курить, хотя он не курил уже лет шесть, с тех пор, как перешел в Космофлот.

— Значит, в пятьдесят третьем году ей уже было тридцать лет, — сказал Сато.

«Сегодня притащили новых. Они их поместили на нижний этаж за пустыми клетками. Я не смогла увидеть, сколько их всего. Но, по-моему, несколько. Глупышка закрыл дверь и меня не пустил. Я вдруг поняла, что завидую этим несчастным, оторванным навсегда от своих семей и дома, заключенным в тюрьму за грехи, которых они не совершали. Но ведь их все-таки трое, может, пять. А я совсем одна. Если бы не привыкла работать, то давно бы уже умерла. И сколько лет я здесь? По-моему, пошел четвертый год. Надо будет проверить, посчитать цапапки. Только боюсь, что собою со счета. Ведь я не записывала, когда болела. Я от писания получаю утешение. Мне все кажется, как кто-то будет читать эти листки. Меня

уже не будет, прах мой разлетится по звездам, а бумажки выживут. Я очень прошу тебя, который будет это читать, разыщи мою дочку, Ольгу. Может, она уже взрослая. Скажи ей, что случилось с матерью».

Следующий листок.

«После смерти Николая я осталась с Оленькой совсем одна. Если не считать сестер. Жили мы не очень богато, я работала в больнице и была назначена весной 1956 года старшей сестрой. Оленька должна была идти в школу, в первый класс. У меня были предложения выйти замуж, в том числе от одного врача нашей больницы, хорошего, правда, пожилого человека, но я отказала ему, потому что думала, что молодость моя все равно прошла. Нам и вдвоем с Оленькой хорошо. Мне помогал брат мужа, Тимофей Иванов, инвалид войны, который работал лесником недалеко от города. Несчастье со мной произошло в конце августа 1956 года. Я не помню теперь числа, но случилось это в субботу вечером. Оленьку, как всегда, взял к себе на лето Тимофей. А я приезжала туда по субботам на автобусе, а потом — пешком и очень хорошо отдыхала, если выдавалось свободное воскресенье. Его дом расположен в сосновом лесу, недалеко от Волги».

Павлыш замолчал.

— Ну, что дальше? — спросил Даг.

— Погодите, ищу листок.

«Я постараюсь описать то, что было дальше со всеми подробностями, потому что большое значение имеет правильный диагноз, и, может быть, кому-нибудь эти все подробности понадобятся. В тот вечер Тимофей и Оленька проводили меня до реки мыть посуду. Дорога, которая идет от дома к Волге, доходит до самой воды. Тимофей хотел меня подождать, но я боялась, что Оленьке будет холодно, и попросила их вернуться домой, а сама сказала, что скоро приду. Было еще не совсем темно, и минуты через три-четыре после того, как мои родные ушли, я услышала тихое жужжание. Я даже не испугалась сначала, решила, что по Волге, далеко от меня, идет моторка. Но потом меня охватило неприятное чувство, словно предчувствие чего-то плохого».

«Я посмотрела на реку, но никакой моторки не увидела, а увидела, что по направлению ко мне, чуть выше моей головы, летит воздушная лодка без крыльев, похожая на подводную лодку. Она показалась мне серебряной. Лодка снижалась прямо передо мной, отрезая меня от дороги. За годы войны я могла повидать разную военную технику и сначала решила, что это какой-то новый самолет, который делает вынужденную посадку, потому что у него отказал мотор. Лодка тихо жужжала, но спускалась она очень спокойно. Я хотела отойти в сторону, спрятаться за сосну, чтобы, если будет взрыв, остаться в живых. Лодка выпустила железные захваты, и из нее выпались глупышки. Тогда я еще не знала, что это глупышки, но в тот момент сознание у меня помутнело и я, наверно, упала...»

— Дальше что? — спросил Даг, когда пауза затянулась.

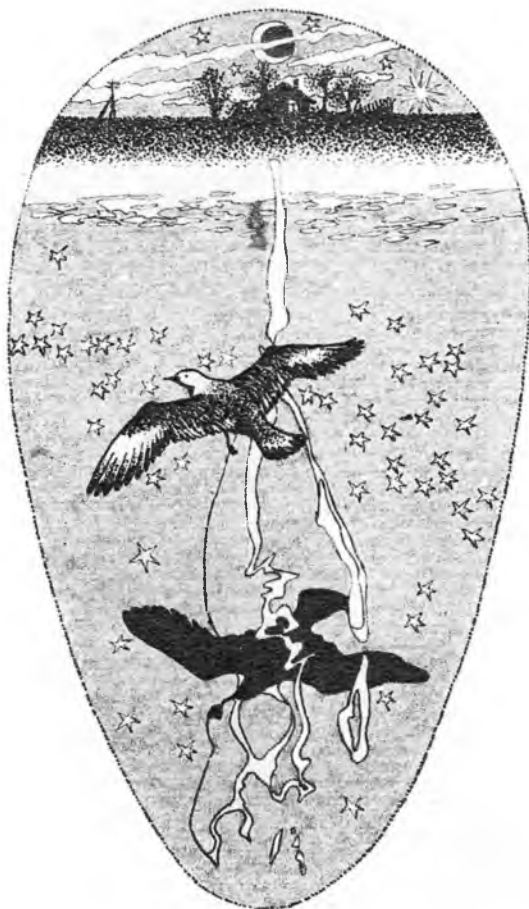
Павлыш молчал.

«Я знаю дорогу на нижний этаж. Там есть путь из огорода, и глупышки за ним не следят. Мне очень захотелось поглядеть на новеньких. Почему-то я решила, что мне обязательно надо на них поглядеть. Я знала, что я здесь не одна. В тюрьме живут и другие твари. Но все они неразумные. К дракону в клетку я научилась заходить. Раньше боялась. Но как-то шла мимо и увидела, что он болен. Глупышки суетились, подкладывали ему еду, мерили что-то, трогали. А он лежал на боку и тяжело дышал. Тогда я подошла к самой решетке и присмотрелась. Ведь я медик, и мой долг облегчать страдания. У дракона была рана — наверно, хотел выбраться, побился о решетку. Силы в нем много — умом бог обидел. Я тут стала отчаянная — жизнь не дорога. Думаю: он ко мне привык, тысячу раз видел. Я глупышкам сказала, чтобы они не мешали, а принесли теплой воды. Я, конечно, рисковала. Ни анализа ему не сделать, ничего. Но рапы загнойлись, и я их промыла, перевязала как могла. Дракон не сопротивлялся. Даже поворачивался, чтобы мне удобнее».

Следующий листок Павлыш также проглядел молча. Он, видно, попал сюда снизу пачки и не был связан по смыслу с предыдущими.

«Сегодня села писать, а руки не слушаются. Птица вырвалась наружу. Глупышки носились за ней по коридорам, ловили сетью. Я тоже хотела поймать ее, боялась, что разобьется. Но зря старалась. Птица вылетела в большой зал, ударилась с лета о трубы. Я потом, когда глупышки тащили ее в свой музей,

подобрала перо, длинное, тонкое, похожее на ковыль. Вот нашла все-таки в себе силу погибнуть, если уж нельзя выбраться на свободу. Еще год назад такой пример мог бы на меня оказать решающее влияние. Но теперь я занята. Я не могу себя потратить зря. Пускай моя цель нереальная, но все-таки она есть. И вот, такая расстроенная и задумчивая, я пошла за глупышками, и они забыли закрыть за собой дверь в музей. Я увидела банки, кубы, сосуды, в которых глупышки хранят тех, кто не выдержал пути. В формалине или в чем-то похожем. Как уродец в кунсткамере в Ленинграде. И я поняла, что пройдет еще несколько лет, и меня, мертвую, не сожгут и не похоронят. А

поместят в стеклянную банку на любованье глупышкам или их хозяевам. Сижу над бумагой, а представляю себя в стеклянной банке, заспиртованную. И деться некуда».

Потом, через несколько дней, Павлыш отыскал «музей». Космический холод заморозил жидкость, в которой хранились экспонаты. Павлыш медленно шел от сосуда к сосуду, всматривался в лед сосудов по крупнее. Хотел найти тело Надежды. И боялся. Голоса Дага и Сато нетерпеливо перебывали друг друга: «Ну как?» Он не нашел ее. Правда, отыскал банку с птицей — радужным, эфемерным созданием с длинным хвостом и большеглазой, без клюва головой.

«Я все сбиваюсь в своем рассказе, потому что то, что происходит сегодня, важнее, чем прошедшие годы. Вот и не могу никак описать мое приключение по порядку. Очнувшись в каморке. Села, постукала по стенке — стенка твердая, и вокруг все время слышится жужжание, словно работают машины на пароходе. И, кроме того, я ощутила большую легкость. Здесь вообще все легче, чем на Земле. Я читала когда-то, что на Луне сила тяжести тоже меньше, и если когда-нибудь люди полетят к звездам, как учил Циолковский, то они совсем ничего не будут весить. Вот эта маленькая сила тяжести и помогла мне скоро понять, что я уже не на Земле, что меня украли, увезли, как Кавказскую пленницу, и никак не могут довести до места. Я очень надеюсь, что люди, наши, с Земли, когда-нибудь тоже научатся летать в космическое пространство. Но боюсь, что случится это еще не скоро».

Павлыш прочел эти строчки вслух. Даг сказал:

— А ведь всего два месяца не дожидая до первого спутника.

И Сато поправил его:

— Она была жива, когда летал Гагарин.

— Может быть. Но ей от того не легче.

— Если бы знала, ей было бы легче, — сказал Павлыш.

— Не уверен, — сказал Даг. — Она бы тогда ждала, что ее освободят. А дожидаться бы не смогла.

— Не в этом дело, — сказал Павлыш. — Ей важно было знать, что мы тоже можем.

Дальше он читал вслух, пока не устал.

«У меня вдруг появилось беспокойство. Это, наверно, из-за того, что я теперь не одна. Такое создается впечатление, что скоро случатся изменения. Не знаю уж, к лучшему ли. Только к худшему изменяться некуда. Сегодня снилась мне Оленька, и я во сне удивлялась, почему она не растет, почему бегают такая маленькая. Ведь ей пора бы и вырасти. А она только смеялась. Я когда проснулась, очень встревожилась. Не значит ли это, что Оленьки уже нет на свете? А дракон совсем плох. Видно, скоро умрет. Я у него вчера просидела долго, снова промыла раны. А он совсем ослаб. Я знаю, что он рад моему приходу. И я жалею теперь, что раньше не обращала на него внимания — боялась. Ведь он такой же, как я. Тоже пленник. Только еще более несчастный. Его все эти годы держали в клетке. Я сейчас подумала и даже горько улыбнулась. Может, этот дракон — медсестра в больнице на какой-то очень далекой планете. И так же приехала эта дракониха проводить свою дочку. И попала в наш зоопарк. И прожила в нем много лет, в клетке. И все хотела втолковать глупышкам, что она не глупее их. Так и умрет, не втолковав. Я, значит, сначала улыбнулась, а потом расплакалась. Вот и сижу, реву, а мне идти пора, ждуть».

«Почему-то они решили, что я им не опасна. Может быть, их хозяева на меня похожи. Не знаю и, видно, не узнаю никогда. Пустили в огород и даже показали, где семена. В лабораторию мне можно ходить. Даже слушаются меня глупышки. Тот, кто эти листки будет читать, наверно, удивится: что за глупышки? Это я железных черепах так называю. Как узнала, что они — машины и простых вещей не понимают, так и стала их звать глупышкам. Я же пыталась через глупышек объяснить машине, Начальнику, что это чистое преступление хватать живого человека и держать его так. Я хотела им объяснить, что лучше им связаться с нами, с Землей. Но потом я убедилась, что, кроме машин, здесь никого нет. А машинам дан приказ — летайте по Вселенной, собирайте, что встретится на пути, потом доложите. Только уж очень долгий обратный путь. Я еще надеюсь, что доживу, а дожив, встречу с ними и все им выложу. А может, они и не знают, что где-нибудь, кроме их планеты, есть еще разумные люди?»

— Конечно, это был исследовательский автомат, — сказал Павлыш.

— Наверно, таких кораблей несколько, — сказал Даг. — Каждому выделен сектор Галактики.

— И шансы на то, что они выловят именно разумное существо, столь малы, что ими они, наверно, просто пренебрегают.

«Новые пленники, которых подобрали в последний раз, попали на мой этаж. Меня тогда одолела надежда, что вдруг это тоже люди, или кто-нибудь хотя бы похожий. Но когда я их увидела — разочаровалась. Я как-то видела в Ярославле, в магазине, продавали трепангов. Я тогда подумала: бывает же гадость и как только люди едят? Другие покупатели так же реагировали. Новенькие животные оказались похожими на таких трепангов. Было их в камере двое, рос-

точком они с собаку, скользкие и отвратительного вида. Я расстроилась тогда и ушла к себе. Даже записывать ничего в дневник о них не стала. Трепангов этих из камер не выпускали. Я скоро поняла, что их всего пятеро — двое в камере, а трое в клетке, за железной дверью».

— Ты чего молчишь? — спросил Даг. — Пропускаешь?

— Все сам прочтешь. Я хочу добраться до сути, — ответил Павлыш.

«Хоть я и испытывала отвращение к трепангам, но понимала, что отвращение мое несправедливое. Ничего они мне плохого не сделали. И тем более я уже привыкла жить среди таких чудес и уродцев, что и во сне не приснятся. Ведь и я кому-то кажусь страшным уродом. Может, даже и моей драконихе. Как-то я шла с огорода с пучком редиски — редиска хилая, вялая, но все-таки витаминная. Один трепанг возился у самой решетки. Мне показалось, что он старается сломать замок. Трепанг, как увидел меня, зашипел и отполз внутрь. Но не успел, потому что один из глупышек был неподалеку и он ударил трепанга током. Такое у них наказание. Трепанг съехался. Я на глупышку прикрикнула и хотела дальше пойти, но тут и мне досталось. Да так сильно он меня ударил током, что я даже упала и рассыпала редиску по полу. Видно, он хотел мне показать, что с этими, с трепангами, мне делать нечего. Я поднялась кое-как — суставы последнее время побаливают — и ушла к себе. Сколько живу здесь, а не могу привыкнуть, что я для них все-таки как кролик в лаборатории. В любой момент они могут меня убить, и в музей, в банку. И ничего им за это не будет».

«Потом-то оказалось, что этот удар током мне даже помог. Трепанги сначала подумали, что я — одна из хозяев. Приняли даже меня за главную. А так, прошло дня три, иду я мимо них опять, вижу, один трепанг возится у решетки и шипит. Тихо так шипит. Осмотрелась я — глупышек не видно. «Чего, — спрашиваю, — несладко тебе, милый?» Я за эти дни и к трепангам уже успела привыкнуть, и они не казались мне такими уродами, как в первый день. А трепанг все шипит и пощелкивает. Я ему говорю: «Ну что ты выступаешь, как Аркадий Райкин? Словаря у меня нету. А если ты не ядовитый, то мы с тобой друг друга обязательно поймем». Он замолчал. Слушает. Я обратно шла, снова задержалась, поговорила. Все есть с кем душу отвести. Потом мне пришло в голову: может, им удобнее со мной объясняться по-письменному. Я написала на листке, что меня зовут Надеждой, принесла ему, показала и при этом что написано повторяла вслух. А еще дня через два услышала, как в ответ мне трепанг зашипел, и в его шипении я разобрала слова: «Меня зовут Надежда». Я поняла, что он старался мне подражать. Вот тогда я первый раз за много месяцев по-настоящему обрадовалась».

«Меня удивляло, как быстро они запомнили мои слова и, хоть им трудно было их произносить — рот у них трубкой, без зубов, они очень старались. Я все эти дни и недели жила как во сне. В хорошем сне. Я заметила в себе удивительные изменения. Оказалось, что нет на свете существ приятней и даже красивее, чем трепанги. И вот тоже удивительно — сколько я провела здесь времени и была для глупышек неопасна. Одна была. А вместе с трепангами мы стали силой. И я это чувствовала. И вот вчера, когда я пошла к их клетке, услышала:

— Надежда, надо уходить отсюда.

— Ну куда отсюда уйдешь, — ответила я. — Корабль летит неизвестно куда. Где мы теперь — никому не ясно. Ведь разве мы сможем управлять кораблем?

И тогда трепанг Баль ответил мне:

— Управлять кораблем сможем. Не сейчас. После того, как больше узнаем. И ты нам нужна.

Тут они вдвоем заверещали, зашипели на меня, уговаривали. А я только улыбнулась. Я не могла им сказать, что я счастлива. Все равно вырвемся мы отсюда или нет. Я и трепанги — какой союз! Посмотрела бы Оля на свою старуху-мать, как она идет по одному коридору мимо запертых дверей и клеток и поет песню: «Нам нет преград ни в море, ни на суше!»

Следующий листок был коротеньким, написан в спешке, кое-как.

«Дола три раза заставлял ходить меня за перегородку, в большой зал. Я ему рассказывала. Дола главный. Они, видимо, решили между собой, что моей помощи им мало. Должен пойти в их операторскую Баль. До переборки я его доведу. Дальше у него будет моя бумажка с чертежом. И я останусь у переборки ждать, когда он вернется. Страшно мне за Бая. Глупышки куда шустрее. Пойдет он сейчас — в это время почти все они заняты на других этажах».

Запись на этом обрывалась. Следующая была написана иначе. Буквы были маленькими, строгими.

«Ну вот, случилось ужасное. Я стояла за перегородкой, ждала Бая и считала про себя. Думала, если успеет вернуться, прежде чем я досчитаю до тысячи, — все в порядке. Но он не успел. Задержался. Замигали лампочки, зажужжало — так всегда бывает, если на корабле не порядок. Мимо меня пробежали глупышки. Я пыталась закрыть дверь, их не пускать, но один меня так током ударил, что я чуть сознание не

потеряла. А Баля они убили. Не знаю, нарочно ли или он сопротивлялся. Теперь Баль в музее. Ночью я переживала, вспомнила, какой Баль был милый, ласковый, красивый. Не притворялась. В самом деле очень переживала. И еще думала, что теперь все погубило — больше никому в операторскую не проникнуть. А сегодня Дола объяснил мне, что не все потеряно. Они, оказывается, могут друг с другом общаться на большом расстоянии. Баль потому и задержался, что своим товарищам передавал устройство рубки управления нашего корабля и свои по этому поводу соображения. Он даже побывал у самой Машины. Он знал, что, наверно, погибнет — он должен был успеть все передать. И Машина убила его».

Даг что-то говорил Павлышу, но тот не слышал. Хотя отвечал невразумительно, как спящий тому, кто будит его до времени.

«Дола сказал, что они теперь знают много об устройстве корабля. Готова ли я дальше им помогать? Конечно, готова, ответила я. Если им удастся повернуть корабль или найти еще какой-нибудь способ вырваться отсюда, они смогут добраться до своего дома. А вот мне они помочь не смогут. И тогда я им объяснила мою философию. Если они возьмут меня с собой, я согласна куда угодно, только бы отсюда вырваться. Уж лучше буду жить и умру у трепангов, чем в тюрьме. А если мне и не удастся отсюда уйти, хоть спокойна буду, что кому-то помогла».

Перед Павлышем лежал последний листок. Он настолько удивился, что оглянулся, не отнесло ли воздухом остальные в угол. Нет. Один листок.

«Ну что же, половина моей жизни прошла в этой тюрьме. Может быть, если считать по годам, то я ошибаюсь. Но вошла я сюда не старой еще женщиной, а ухожу старухой. И не знаю, что из этого выйдет. Сегодня умерла дракониха. Им, трепангам, не все понятно. Их все-таки осталось четверо. Я была одна. И дракониха была одна. Она положила мне свою уродливую (зачем я так говорю — просто большую) голову на колени. Голова была тяжелая, глаза с трудом мигали и глядели куда-то мимо меня».

По низу листка было приписано крупно:

«Жалко, я написать не успела всего, что хотела. Ухожу. Если кто-нибудь из наших товарищей увидит мои письма, найдите, прошу вас, в селе Городище кого-нибудь из моих родственников и расскажите им, если сочтете нужным. Остаюсь ваша Сидорова Надежда».

Потом прошло несколько дней. Павлыш спал и ел под своим тентом и шел в длинные коридоры корабля, как на работу. На связь он выходил редко и отмалчивался, когда Даг начинал ворчать, потому что его товарищи воспринимали Надежду, как сенсацию, удивительный парадокс — для них она оставалась казусом, открытием, а Павлыш оставался все время рядом с Надеждой, ходил по ее следам, видел этот корабль — его коридоры, склады, закоулки — именно так, как видела их Надежда. — Он проникся полностью атмосферой трагической тюрьмы, и, зная каждое слово в записках Надежды, расшифровав последовательность передвижений женщины по кораблю, уяснив значение ее маршрутов и дел, побывав и в тех местах, куда Надежда попасть не могла, но откуда исходили влияние и решения, определявшие судьбу корабля, Павлыш уже мог знать, что произошло потом.

Надежда спешила дописать последний листок. Она очень жалела теперь, что так мало писала в последние недели. Она всегда так. Даже сестры корили ее за то, что совсем не пишет писем.

Все последние дни проходили в спешке. Надежде приходилось делать множество дел, значение которых она не всегда понимала, но знала, что они важны и нужны для цели, ясной трепангам. Она понимала, что расспрашивать их об этом бессмысленно. Они и не могли бы ей объяснить ничего. Даже если бы хотели.

Надежда поняла, что они возьмут с собой ту «подводную лодку», которая когда-то ее захватила в плен. На ней и полетят. Но для того, чтобы сделать это, надо обязательно отключить главную машину. А то к лодке не пройти, и машина просто не выпустит их с корабля. И для этого Надежда тоже была нужна.

Складывая листки, Надежда вдруг засомневалась, оставлять ли их здесь. А может, лучше взять с собой на лодку? Мало ли что может случиться в пути? Нет, рассудила потом, сама-то она всегда может рассказать. А на корабле ничего не останется.

— Возможно, что нам грозит смерть. И ты должна знать об этом, — сказал Дола.

— Знаю, — ответила Надежда. — Я была на войне.

Но это ничего не говорило трепангам, у которых не было войн.

— Только не рискуй, — сказал Дола. — Без тебя нам не выбраться. Палку дали и Надежде. Она должна была идти впереди и открывать двери.

Два трепанга пошли за ней следом. Два других поползли, подпры-

гивая, наверх, где было отделение с какими-то машинами. За первой дверью Надежда как-то была. Помнила, что там широкий проход и по стенам стоят, подзаряжаются глупышки.

— Они тебя не тронут, — сказал Дола. — И мы тоже вооружены.

— Не успокаивай, — сказала Надежда.

— Только не рискуй, — сказал Дола. — Без тебя нам не выбраться. Помни это.

— Отлично помню. Не волнуйся.

Надежда провела ладонью по квадрату в стене, и дверь отошла в сторону. В том коридоре был странный запах, сладкий и в то же время горелый. Все ниши были заняты.

Один из глупышек вдруг резко выскочил из ниши и поехал к ним, собираясь загородить дорогу и, может, отогнать их обратно. Глупышка увидел непорядок.

— Быстрее, — сказал Дола. — Быстрее.

Надежда побежала вперед и постаралась перепрыгнуть через глупышку, бросившегося к ней под ноги.

Но глупышка — как это она забыла? — тоже подпрыгнул и ударил ее током. К счастью, несильно. Наверно, сам не успел подзарядиться. Надежда упала на колени и выронила палку. Ушиблась больно и даже охнула. Ноги у нее были уже не те, что несколько лет назад. Она ведь играла в волейбол. За технику. Второе место в Ярославле. Только это было давно.

Глупышку остановил Дола, у него была такая же палка, как у Надежды, только покороче.

— Что с тобой? — спросил он. Голос у трепанга шипящий, без всякого выражения, но по ощущению в голове Надежда поняла, как он волнуется.

— Ничего, — сказала Надежда, поднимаясь и заставляя себя забыть о боли. — Пошли дальше.

До двери, до следующей двери было шагов двадцать. Еще один глупышка стал вылезать из ниши, но делал он это медленно.

— Машина уже получила сигнал, — сказал Дола. — Они с ней связаны.

Надежда добежала, ковыляя, до двери, но квадрата на нужном месте не оказалось.

— Я не знаю, как открыть, — сказала она.

— Другого пути нет, — сказал Дола, и голос его шептал, шелестел откуда-то снизу, издали. Дверь была заперта надежно.

Еще глупышки, вялые, медленные, выползали из ниш, и казалось, что надвигается стадо слишком больших божьих коровок.

И в этот момент дверь открылась сама. Распахнулась резко, так что Надежда еле успела отпрыгнуть в сторону.

Из двери выскочил глупышка, которого Надежда никогда раньше не видела. Он был чуть ли не с нее ростом и похож на шар, с клешнями.

Из шара вырвалось пламя и пролетело, заполняя коридор, совсем рядом с Надеждой, и она ощутила его обжигающую близость. Она зажмурилась и не увидела, как Дола успел, подобрав большую палку, остановить глупышку, заставить его замереть. Хотя и было поздно.

Черепашки, толпившиеся в дальнем конце коридора, уже потемнели, словно обуглились, а второй трепанг, который сдерживал их и не успел отскочить, когда открылась дверь, превратился в кучу пепла на полу.

Все это Надежда видела, как во сне, словно ее не касались ни опасность, ни смерть. Она понимала, что ее дело — пройти за вторую дверь, потому что дверь может закрыться и тогда все, ради чего погибли Баль и этот трепанг, окажется бессмысленным и ненужным.

И Дола сразу последовал за ней, не останавливаясь, не оборачиваясь, хоть, может быть, погибший трепанг был его братом или женой.

За второй дверью оказался круглый зал, словно верхняя половина шара.

Перед Надеждой было несколько дверей, совершенно одинаковых, и она обернулась к Доле, чтобы он сказал, куда идти дальше.

Тот уже спешил вперед и быстро, изгибаясь, как испуганная гусеница, высоко поднимая спину, полз мимо дверей, на какую-то долю секунды останавливаясь перед каждой и словно вынюхивая, что за ней находится.

— Здесь, — сказал он.

...Они были перед Машиной. Перед хозяином корабля. Перед тем, кто отдавал приказы спускаться на чужие планеты и забирать все, что попадется, перед тем, кто поддерживал на корабле порядок, кормил, наказывал и хранил его пленников и добычу.

Машина оказалась просто стеной со множеством окошек и разноцветных лампочек, серых и голубых плиток и рукоятей. Машина и ничего более.

— Что дальше? — спросила Надежда, переводя дух. Ее любка, сшитая из найденной на корабле материи, словно клеенки, распоролась на коленях и замаралась кровью — оказывается, она сильно расшиблась, когда прыгала через глупышку.

Дола не ответил. Он уже стоял перед Машиной и крутил своей червяковой головкой, разглядывая ее.

Что-то щелкнуло, словно от взгляда Дола, и зал наполнился громким прерывистым шипением. Надежда отпрянула, но тут же догадалась, что это — голос другого трепанга.

Дола прислушивался к шипению, которое исходило из черного круга — видно, это было какое-то переговорное устройство, — и говорил Надежде, что надо сделать, если сам не мог дотянуться до рычага или кнопки. И Надежда вдруг поняла, что они находятся просто в машинном отделении парохода и капитан со своего мостика отдает им приказания: «Тихий ход, полный ход». И скоро они поедут дальше, домой.

И ее охватила странная, сладкая усталость. Она села на пол, потому что ноги отказались ее держать, и сказала только Доле:

— Я отдохну немножко.

— Хорошо, — сказал Дола, прислушиваясь к словам своих товарищей с капитанского мостика. И тут же Дола вскрикнул. Она никогда не слышала, чтобы трепанги кричали. Что-то случилось такое, что заставило его сильно испугаться.

Огоньки на лице машины гасли один за другим, перемеживаясь все слабее, будто прощались друг с дружкой.

Шипение из репродуктора превратилось в слабый визг, и Дола выкрикивал какие-то отдельные звуки, которые не могли иметь смысла, но все же его имели.

— Быстро, — сказал Дола. — К катеру.

Чего-то они не учли. Где-то в машине, на вид покорившейся восставшим пленникам, сохранились клеточки, которые приказали ей оставаться, умереть, лишь бы не служить чужим.

Надежда поднялась на ноги, чувствуя, как Дола толкает ее, горло, но никак не могла должным образом испугаться — все ее тело продолжало целиться за спасительную мысль: «Все кончилось. Все хорошо, теперь мы поедем домой».

И даже, когда она бежала за Дотой по коридору, мимо обожженных глупышек, даже когда они выскочили наружу и Дола велел ей скорее сносить к катеру еду и какие-то круглые штуки вроде морских мин, она продолжала убаюкивать себя мыслью, что все будет в порядке.

У люка, который вел к катеру, Надежда сваливала продукты и бежала снова, потому что надо было захватить и воду и еще этих шаров, в которых, оказывается, был воздух. И Дола все старался объяснить ей, но забывал слова и путался, что машина перестала вырабатывать воздух и тепло и скоро корабль умрет и, если они не успеют погрузить и подготовить к отлету катер, их уже ничто не спасет.

Два других трепанга прибежали с капитанского мостика, притащив какие-то приборы, и стали возиться в катере. Они даже не замечали Надежду — движения их были суматошны, но быстры, словно каждая из их рук — а рук у трепангов по два десятка — занималась своим делом.

Сколько продолжалась эта беготня и суматоха, Надежда не могла сказать, но где-то на десятом или двенадцатом походе в оранжевую, она вдруг поняла, что в корабле стало заметно холоднее и труднее дышать.

Надежда хотела было забежать к себе в каюту и забрать вещи, но Дола сказал ей, что придется отбивать через несколько минут, и тогда она решила вместо этого притащить еще один шар с воздухом, потому что он нужен был всем, а без юбки или косынки, без чашек она обойдется.

Надежда уже подбегала к катеру, уже оставалось ей пройти несколько шагов, когда большой глупышка выкатился из прохода и направил свой огненный луч прямо в люк, чтобы сжечь все, что было внутри.

— Стой! — крикнула Надежда и кинула — откуда сила взялась — в него шаром. И прямо в лицо ей польхнуло близкое солнце...

Этой секунды было Доле достаточно, чтобы захлопнуть люк.

Следующий выстрел глупышки лишь заставил почернеть бок катера.

Исчерпав свои заряды, глупышка застыл над кучкой пепла. Отключился.

Дола открыл люк и сразу все понял. Но он не мог задерживаться. Может быть, если бы он был человеком, то собрал бы пепел, оставшийся от Надежды, и похоронил его у себя дома. Но трепанги таких обычаев не знают...

Павлыш поднял с пола обгоревший клочок материи — все, что осталось от Надежды. История кончилась печально. Хотя оставалась маленькая надежда на то, что он ошибся, что Надежда успела все-таки улететь на катере.

Павлыш поднялся и подошел к холодному, пустому, сделавшему все, что от него требовалось, роботу, который так и простоял все эти годы, целясь в пустоту. Робот выполнял свой долг — охранял корабль от возможных неприятностей.

— Ты уже часа два молчишь, — сказал Даг. — Ничего не случилось?

— Потом расскажу, — сказал Павлыш. — Потом.

Они сидели с Софьей Петровной у самого окна. Она пила лимонад, Павлыш — пиво. Пиво было хорошее, темное, и сознание того, что его можно пить, что ты находишься в простом и до ближайшей медкомиссии месяца три, не меньше, обостряло сладкое ощущение небольшого, простительного проступка.

— А разве вам можно пить пиво? — спросила Софья Петровна строго.

— Можно, — ответил кротко Павлыш.

Софья Петровна недоверчиво покачала головой. Она была убеждена, что космонавты не пьют пиво. И была права.

Она отвернулась от Павлыша и смотрела на бесконечное поле, на причудливые на фоне оранжевого заката силуэты планетарных машин. — Долго что-то, — сказала она.

Софья Петровна казалась Павлышу скучным и правильным человеком. Она, наверное, отлично знает свое дело, учит детей русскому языку, но вряд ли дети ее любят, думал Павлыш, разглядывая ее острый, завершенный профиль, гладко причесанные и собранные сзади седые волосы.

— Вы ищете сходство?

Павлыш не ответил. Он искал сходства, но не хотел в этом признаваться.

— Все эти годы, — сказала Софья Петровна, — приподняв бокал с лимонадом и разглядывая пузырьки на его стенках, — я жила ожиданием этого дня. Это может показаться странным, так как внешне я старалась ничем не проявлять постоянного нетерпения, владевшего мною. Я ждала, пока расшифруют содержание блоков памяти того корабля. Я ждала того дня, когда будет отправлена экспедиция к планете тех существ, которых моя бабушка называла трепангами. Я ждала ее возвращения. И вот дождалась.

— Странно, — сказал Павлыш.

— Я знаю, вы были разочарованы при нашей первой встрече. Я не проявила ожидавшихся эмоций. Но что я должна была делать? Я же представляла себе бабушку по фотографиям, по рассказам мамы и по четырем военным медалям. Бабушка была для меня абстракцией. Моя мать уже умерла. А ведь она была последним человеком, для которого сочетание слов «Надежда Сидорова» означало не только любительскую фотографию, но и воспоминание о руках, глазах, голосе. Со дня исчезновения бабушки прошло девяносто лет...

Павлыш наклонил голову, соглашаясь.

— И я не такая сухотка, как вы полагаете, молодой человек, — сказала вдруг Софья Петровна совсем другим голосом. — Я основная исполнительница ролей злых старух в нашем театре. И меня любят ученики.

— Я и не думаю иначе, — соврал Павлыш.

И подняв глаза, встретился с улыбкой Софьи Петровны. Ее втянутые щеки порозовели. Она сказала, поднимая бокал с лимонадом:

— Выпьем за хорошие вести.

Даг быстро шел между столиками, издали заметив Павлыша и Софью Петровну.

— Летят, — сказал он. — Дневничерская получила подтверждение.

Они стояли у окна и смотрели, как на горизонте опустился планетарный катер, как к нему понеслись разноцветные под закатом капли флаэров. И потом спустились вниз, потому что Даг был отлично знаком с начальником экспедиции Клапачом и надеялся, что сможет поговорить с ним раньше журналистов.

Клапач вылез из флаэра первым. Остановился, оглядывая встречающих. Курносая девочка с очень белыми, как у Клапача, волосами подбежала к нему, и он поднял ее на руки. Но глаза его не переставали искать кого-то в толпе. И когда он подходил к двери, то увидел Дага, Павлыша и Софью Петровну. Он опустил дочку на землю.

— Здравствуйте, — сказал он Софье Петровне. — Я уж боялся, что не приедете.

Софья Петровна нахмурилась. Ей было не по себе от ощущения, что на нее смотрят телевизионные камеры и фотоаппараты.

Перед лицом Клапача покачивался похожий на шмеля микрофон, и Клапач отмахнулся от него, как от шмеля.

— Она долетела? — спросила Софья Петровна.

— Нет, — сказал Клапач. — Она погибла. Павлыш был прав.

— И ничего...

— Нам не пришлось долго расспрашивать о ней. Посмотрите.

Клапач расстегнул карман парадного мундира. Летный состав всегда передевался в парадные мундиры на внешних базах. Остальные члены экипажа стояли за спиной Клапача. На площадке перед космопортом было тихо.

Клапач достал фотографию. Объектив телекамеры спустился к его рукам, и фотография заняла экраны телевизоров.

На фотографии был город. Приземистые купола и длинные строения, схожие с валиками и цепочками шаров. На переднем плане — статуя на невысоком круглом постаменте. Худая, гладко причесанная женщина в мешковатой одежде, очень похожая на Софью Петровну, сидит, держа на коленях странное существо, похожее на большого трепанга.

— Пап, — сказала курносая девочка, которой надоело ждать — Покажи мне картину.

— Возьми, — Клапач отдал ей фотографию.

— Червяк, — сказала девочка разочарованно.

Софья Петровна опустила голову и короткими, четкими шагами пошла к зданию космопорта. Ее никто не останавливал, не окликал. Лишь один из журналистов хотел было кинуться вслед, но Павлыш поймал его за рукав.

Фотографию у девочки взял Даг.

Он смотрел на нее и видел мертвый корабль, проваливающийся в бесконечность космоса.

А через минуту площадь перед космопортом уже гудела от голосов, смеха и той обычной радостной суматохи, которая сопровождает приход в порт корабля или возвращение на Землю космонавтов.